

ПРИЛОЖЕНИЕ

1.

ОТРЫВКИ ИЗ САГ

Сага о Хаконе Добром (ок. 934—961 гг.)

Гл. 13. Конунг Хакон был добрым христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как вся страна была языческая и повсюду поклонялись языческим божествам, и поскольку язычниками были многие влиятельные люди, чья помощь, так же как и любовь всего народа, представлялась ему необходимой, то он решил исповедовать христианство втайне. Он соблюдал воскресные дни и постился по пятницам... Конунг рассчитывал, что если ему удастся утвердить свою власть и полностью подчинить себе всю страну, то он сможет ввести христианство. Прежде всего он склонил к христианской вере самых близких к себе людей. Многие крестились из любви к нему, многие покончили с жертвоприношениями. Конунг Хакон подолгу жил в Трандхейме, потому что Трандхейм был средоточием силы в стране. Как только ему показалось, что он заручился поддержкой влиятельных людей для того чтобы ввести христианство, он послал в Англию за епископом и другими духовными людьми, и, когда те приехали в Норвегию, конунг Хакон объявил, что он хочет всю страну обратить в христианство...

Гл. 15. Конунг Хакон приехал на Фростатинг. Там собралось множество бондов. После открытия тинга говорил конунг Хакон. Он начал с того, что изложил свое предложение бондам и земледельцам, могущественным и слабым, а также всему народу, молодым и старым, богатым и бедным, женщинам и мужчинам, и просил, чтобы весь народ принял христианство и стал верить в одного бога, Христа, сына Марии. Они должны отказаться от всяких жертвоприношений и отречься от языческих богов. Наконец они должны соблюдать каждый седьмой день и в этот священный день не браться за работу, и через каждые шесть дней они должны поститься. Едва конунг объявил об этом народу, как поднялся сильный ропот...

Асбьерн из Медальхуса в Гаулардале поднялся, чтобы ответить на речь конунга. «Конунг Хакон, мы, бонды, думали, — начал он, — что небо снизошло на землю, когда ты впервые был на тинге здесь, в Трандхейме, и мы провозгласили тебя конунгом, а ты вернул нам наш одаль. Теперь же мы не знаем, вправду ли мы получили свободу или ты снова хочешь поработить нас, выставляя такое удивительное требование, чтобы мы отказались от веры, которой придерживались наши отцы и наши предки, сначала во времена сожжения и теперь во времена погребения покойников, а они были много могущественнее нас, и эта их вера до сих пор нам помогала. Мы выказали вам такое большое доверие, что передали тебе все законы и права в стране, чтобы ты правил нами. Теперь же вот наша воля и твердое решение бондов — придерживаться тех законов, которые ты установил для нас здесь, на Фростатинге, а мы их подтвердили. Все мы будем следовать за тобой и считать тебя конунгом до тех пор, пока будет жив хоть один из тех бондов, которые собрались сегодня здесь на тинге, если ты, конунг, будешь соблюдать подобающую умеренность и требовать от нас лишь то, что мы можем тебе предоставить, и что не будет для нас неисполнимым. Если же ты захочешь осуществить свое намерение, не считаясь ни с чем, и применишь против нас силу и принуждение, тогда все мы, бонды, как это уже решено между нами, откажемся от тебя и выберем себе другого вождя, который будет так править нами, что мы сможем свободно исповедовать ту веру, какую хотим. Теперь конунг, до того как закончится тинг, ты должен выбрать одно из этих условий.» После этой речи бонды одобрительно зашумели и подтвердили, что они хотят, чтобы было так, как он сказал.

Гл. 16. Когда наступила тишина, бондам отвечал Сигурд ярл. Он сказал: «Бонды, конунг Хакон желает жить в согласии с вами, и он никогда не хотел бы лишиться вашей дружбы». Бонды ответили, что они хотят, чтобы конунг совершил для них жертвоприношение за удачливый год и мир, как это делал его отец. После этого шум улегся, и тинг был распущен. (Конунгу Хакону пришлось уступить, попытка установить в Трандхейме христианскую веру не удалась.)

Сага Об Олаве Трюггвасоне (ок. 995—1000 гг.)

Гл. 68. ...Конунг Олав направился со всем своим войском в Трандхейм. Когда он приехал в Мерин, там собрались все трандхеймские хевдинги, которые больше всего противились христианству. Вместе с ними были все крупные бонды, раньше совершавшие здесь жертвоприношения... Тогда конунг велел позвать народ на тинг. Обе стороны явились в полном вооружении. После открытия тинга слово взял конунг и потребовал, чтобы народ принял христианство. От имени бондов на речь конунга отвечал Скегги Железный. Он сказал, что бонды хотят, как это и прежде было, чтобы конунг не нарушал их законов. «Мы хотим, конунг, — говорил он, — чтобы ты совершил жертвоприношение, как другие конунги до тебя». После его речи поднялся одобрительный шум. Бонды кричали, что они хотят, чтобы все пошло так, как говорил Скегги. Тогда конунг говорит, что он хочет поехать в храм и посмотреть их обычаи, когда они будут совершать жертвоприношение. Бондам это понравилось, и обе стороны поехали в храм.

Гл. 69. И вот конунг Олав едет в храм, а с ним некоторые из его людей и несколько бондов. Когда конунг пришел туда, где находились боги, там сидел Тор. Он был наиболее почитаем из всех богов и украшен золотом и серебром. Конунг Олав поднял отделанную золотом дубинку, которую держал в руке, и ударил Тора, так что тот упал с возвышения. После этого прибежали люди конунга и столкнули с возвышения всех богов. Пока конунг находился в храме, снаружи, перед дверью, ведущей в храм, был убит Скегги Железный. Это совершили люди конунга.

Когда конунг пришел к народу, он предложил бондам выбирать одно из двух: либо все они должны принять христианство, либо они должны биться с ним. Но после смерти Скегги в войске бондов не осталось предводителя, который подал бы знак к нападению на конунга Олава. Было решено покориться конунгу и принять то, чего он требовал. Тогда конунг Олав велел окрестить всех людей, которые там были, и взял у бондов заложников, чтобы они придерживались христианства...

Сага Об Олаве Святом (ок. 1015—1028 гг.)

Гл. 58. ...Он всячески стремился искоренить язычество и те древние обычаи, которые, по его мнению, вредили христианской вере. В конце концов бонды подчинились законам, установленным конунгом...

Гл. 60. ...Конунг поплыл вдоль берега на юг. Он останавливался в каждом фюльке, созывая бондов на тинги. А на каждом тинге он велел огласить закон о христианстве и связанные с ним установления. Он отменил тотчас многие дурные языческие обычаи в народе, потому что ярлы хотя и придерживались древних законов и права, но в отношении христианства позволяли каждому поступать, как ему хочется. К тому времени уже в большинстве прибрежных селений народ был крещен, но христианский закон большей части людей был неизвестен. Однако в дальних долинах и горных селениях еще процветало язычество, потому что, когда народ был предоставлен себе, в памяти людей сохранялась та вера, которую они восприняли в детстве. Тем же людям, кто не желал подчиняться конунгу в отношении соблюдения христианства, он грозил суровой расправой — как знатным, так и простым...

Гл. 64. Конунг Олав ввел христианский закон во всем Вике так же, как и на севере страны. Это прошло успешно, потому что жителям Вика христианские обычаи были известны гораздо лучше, чем жителям севера страны, поскольку в Вике и зимой и летом было полно купцов — датских и саксонских. Жители Вика также совершали много торговых поездок в Англию и Саксонию или Флемингеланд, или Данию. Некоторые бывали в викингских походах и зимовали в христианских странах...

Гл. 73. Конунг Олав... расследовал, как народ соблюдает христианскую веру. А если ему где казалось что-нибудь неправильным, он учил народ истинной вере. Тех же, кто не хотел отступить от язычества, он жестоко карал: одних изгонял из страны, другим по его приказу отрубали руки или ноги или выкалывали глаза, иных он велел повесить или зарубить. Никого, кто не хотел служить богу, он не оставлял безнаказанным...

**Хрестоматия по истории
средних веков. Т. 1. М.,
1961. С. 661—664,
669—670, 673—675.**

2.

Григорий Турский.

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

Глава 25. О гибели человека, выдававшего себя за Христа

...Сильный голод постиг области Анжера, Нанта и Ле-Мана. Это было началом тех болезней, о которых сказал Господь в Евангелии: «Повсюду будут чума, голо и землетрясение, и восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса на небе, так что они прельстят избранных», точь в точь, как это сегодня произошло.

Один человек из Буржской области, как он сам впоследствии рассказал, когда он пришел в лес, чтобы нарубить деревья для какой-то необходимой ему работы, был облеплен роем мух, отчего в течение двух лет он оставался безумным. Отсюда можно было понять, что эта порча исходила от дьявола. После этого этот человек прошел соседние города и дошел до Арльской провинции, и там, облачившись в шкуру, набожно молился как человек благочестивый. И как бы в насмешку над ним враг рода человеческого наделил его даром предсказания. Затем, чтобы еще больше преуспеть в этой преступной славе, он переменял место; из упомянутой провинции он пришел в область города Явельс, называя себя всемогущественным и даже не боясь объявить себя Христом. С ним была какая-то женщина, которую он выдавал за сестру и настаивал, чтобы ее именовали Марией. К нему стекалось множество народа, привозя с собой больных, которым он возвращал здоровье своим прикосновением. Все те, кто к нему приходил, приносили ему золото, серебро и одежду. Он же, чтобы легче их совратить, отдавал все это бедным. Распростершись на земле, он ревностно молился вместе с той женщиной и, когда поднимался с земли, он приказывал присутствующим снова поклониться ему. Он предсказывал будущее и предвещал одним — болезни, другим — несчастья, немногим — в будущем благополучие. И всего этого он добивался дьявольским искусством и не знаю, каким волшебством.

Он совратил огромное количество народа, и не только необразованных людей, но даже и священников церкви. За ним следовал народ в количестве более трех тысяч. Между тем он начал с некоторых снимать одежду и грабить тех, кого он встречал по пути, однако награбленное он раздавал неимущим. Он угрожал смертью епископам и горожанам за то, что они отказывались его почитать. Придя в область Белей, он дошел до места, называемого Пюй-ан-Велей, и остановился со своим отрядом, построив его в боевом порядке возле соседних церквей, как бы для того, чтобы начать войну с Аврелием, который тогда был епископом. Вперед себя он направил вестников, обнаженных людей, скачущих и пляшущих, чтобы они возвестили о его прибытии. Удивившись этому, епископ направил к нему смелых людей разведать, что им нужно и что все это значит.

Когда один из них, который был старше, наклонился как будто бы для того, чтобы обнять колени этого самозванца, намереваясь преградить ему путь, тот приказал схватить его и снять с него одежду. Но он, тотчас же обнажив меч, разрубил его; вот так пал тот Христос, которого скорее следует называть Антихристом, и умер. Находящиеся при нем были рассеяны.

А Мария, когда ее подвергли пыткам, раскрыла все его выдумки и колдовские приемы. Однако те люди, которых он совратил с помощью дьявольской хитрости, поверили в него, и они уже никогда не пришли в себя, то и далее чтили его как Христа и верили, что Мария причастна к его божественности.

Но и по всей Галлии появилось много людей, которые с помощью подобных обманов привлекали на свою сторону разного рода женщин, которые в порыве фанатизма провозглашали этих лжебогов святыми. В народе эти святые выдавали

себя за всемогущих. Из них мы многих видели и, порицая их, старались удержать от заблуждения.

Корсунский А.Р. **Возникновение
феодалных отношений в
Западной Европе.** М.,1968. С. 82-83.

3.

МЕЧ И КРЕСТ. ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ВОЙНЫ

...Произошло столкновение: с одной стороны, религия, несшая слово любви и мира, с другой — эпоха бесконечных сражений и люди, в чью плоть и кровь вошла война... Церковь была вынуждена уделять войне и ее профессионалам — воинам — такое внимание, которое в силу очевидных обстоятельств вышло далеко за рамки общепринятой церковной утопии, осуждающей войны... В своих, историко-религиозных истоках раннесредневековая церковь, оказавшись лицом к лицу с народами, которые сделали войну стержнем всей своей общественной и религиозной жизни, отыскала не просто оправдание компромисса, но его самую настоящую «теоретическую» основу, хотя и выраженную посредством известной символики, но органично вытекавшую из существа христианского учения. На этой основе сформировалась позитивная концепция войны и воина, сражающегося с оружием в руках.

Разумеется, речь идет о войне не просто как о разрешенном убийстве человека человеком. Это, так сказать, побочная функция войны. Главная задача христианской концепции войны состояла в том, чтобы доказать, будто человек, взявшийся за оружие, освященный церковью, становится борцом против зла или того, что в его мнении или мнении коллектива, частью которого он являлся, представлялось как зло. Таким образом, война интерпретировалась как средство борьбы против зла вообще в земной юдоли. Трагическая реальность отнюдь не отвергалась целиком во имя какого-то утопического идеала, не принимавшего в расчет действительного положения дел в этом мире. Напротив, трагизм войны обратился в некий «знак», указывающий на существование гораздо более высокой и трагической реальности, в силу которой история человечества от грехопадения до Искупления и Страшного суда, равно как и история каждого отдельного человека, является великой духовной войной. Несчастья же, вызываемые земными войнами, таким образом, представлялись всего лишь как бледное отражение этой величайшей схватки...

...Христианская церковь была не в состоянии ни выкорчевать насилие из человеческого сердца, ни вычеркнуть раз и навсегда войну из истории человечества. Поэтому перед церковью встала задача в известной мере насилие обуздать, регламентировать как ведение войны, так и ее последствия. Так продолжалось по крайней мере до тех пор, пока моральный авторитет церкви в обществе оставался прочным и никем не оспаривался.

Конечно, в том факте, что и в средние века люди продолжали убивать друг друга, можно усмотреть крах «умиротворительной» концепции церкви. Подчеркнув это, следует, однако, и отдать ей должное. Церкви удалось добиться того, в чем никогда бы не преуспел никакой радикальный утопизм: были сформулированы нормы, обуславливающие применение силы, были заложены основания такой этики и такого права, которые, не упраздняя войны, становились препятствием и осуждением насилия над слабым, безоружным, подчиняли саму войну задачам высшего духовного порядка. Война, таким образом, рассматривалась как один из этапов становления отношений между людьми, этапом постыдным и приносящим неисчислимые страдания но тем не менее не выходящим за рамки цивилизованности. Речь идет об этике, правовых нормах, ограничительных нормативах, благодаря которым удавалось удерживать вооруженные столкновения в пределах неких «правил»...

...Отец церкви Аврелий Августин дал первую систематическую христианскую доктрину войны. Но еще и до Августина на эту тему высказывался Амвросий Медиоланский, причем с предельной ясностью. Вряд ли стоит вспоминать о той обстановке страха, чувстве опасности и тревоги, в которой в те времена пребывала империя, в тот самый момент, когда прозвучали его слова, восхваляющие ратный подвиг. Справедливости ради, подчеркнем, что Амвросий, так же как и другие отцы церкви, клеймил позором насилие и человекоубийство. Его возмущение убийством глубоко и искренне. Однако при этом он оправдывает любое действие государства,

направленное на самосохранение. Точно так же Амвросий оправдывает войну, восстанавливавшую, по его мнению, попорченную справедливость. Подобно всей церковной иерархии своего времени, он считал, что церковь в отношении империи несет бремя ответственности как наследница и преемница.

Амвросий был духовником императора Грациана. Вместе с ним он заложил основы имперского романо-христианского самосознания. В момент тяжелейшей опасности, нависшей над империей, структуры которой разрушались на глазах у всех, тогда как варвары буквально ломались в ее врата, возникла необходимость пересмотреть вопрос об индивидуальном поведении христианина на войне как воина. Прежде солдат должен был уничтожить противника. Теперь же вопрос был поставлен иначе: праведной, справедливой, или неправедной, несправедливой, является сама война?.. Определять же, какая война праведная, а какая нет, то есть несправедливая, по мнению Амвросия, имела право одна только церковь, вместилище и мерило справедливости. Подобное учение не только заставляло христианина участвовать в войне, по решению церкви являвшейся справедливой, но и наделяло саму церковь правом решать вопросы войны и мира. Не станем повторять, что подобная позиция Амвросия была обусловлена особыми обстоятельствами. Подчеркнем только лишь тот факт, что Амвросий в своем учении о войне основной упор все-таки делает на проблеме сохранения мира, согласно закону справедливости. Если война, считал он, способствует восстановлению мира, то такая война справедлива. Справедлива, таким образом, война внешняя, ведущаяся во имя спасения отечества от варваров-агрессоров, справедлива и гражданская война, ведущаяся во имя спасения общества от «разбойников». Именно в тот момент, когда возникла необходимость защищать империю с оружием в руках, по вопросу о войне высказался и Аврелий Августин...

...По мнению Августина, главное — дисциплина..., дисциплина — единственное, что способно спасти церковь и государство от развала. Восстановление единства, считал он, есть восстановление мира и путь к спасению. Такими представляются ему цели и задачи войны, войны праведной и справедливой: «Естественный порядок вещей, стремящийся к установлению мира среди людей, требует, чтобы решение и право начать войну принадлежали государю. Солдаты же должны беспрекословно выполнять приказы своих командиров во имя мира и общего спасения. Пусть сам государь и запятнал себя несправедливостью, но он военачальник. Приказ начальника делает солдата невиновным в совершенных государем злодеяниях»... Таким образом, государь перед лицом бога является единственным ответственным за все то зло, которое совершается в ходе войны. Это чудовищное бремя ответственности ложится на всякого, осуществляющего власть...

...В сочинении «О граде божьем» и других своих сочинениях Августин уточняет, когда можно вести речь о справедливой войне. Справедлива, по его мнению, та война, которая ведется во имя защиты человека от свирепого агрессора: «Обычно справедливыми называют те войны, которые ведутся для того, чтобы отомстить за оскорбление, возместить ущерб, понесенный одним народом от другого». Вопиющим примером войны неправедной, несправедливой, по Августину, является война против народов, которые не причинили никакого ущерба другому народу. Несправедлива же и та война, которая предпринимается с целью подчинить другой народ во имя удовлетворения собственной жажды власти. Такая война, считает Августин, величайшая подлость...

...Августин в своем послании к Бонифацию сформулировал также принцип взаимодополняемости: с одной стороны, те, кто в тишине молитвы ведет невидимую войну с бесами, с другой — те, кто защищает молящегося с оружием в руках на поле боя. И те и другие — защитники верующих от видимых и невидимых врагов, с ними они ведут войну. Августин сблизил, хотя и провел демаркационную линию между ними, «воина христового» с «воином мирским»...

Кардини Франко. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 223—246.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Добиаи-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского средневековья. М., 1987.
- Гуревич А.Я.* Из истории народной культуры и ереси: «Лжепророки и церковь во Франкском государстве»//Сб. «Средние века». Вып. 38. М., 1975.
- Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977.
- История Европы.* Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992.
- Кардини Франко.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
- Корсунский А.Р.* Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе//Сб. «Средние века». Вып. 44, М., 1981.
- Ле Гофф Жак.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Brown P.* The cult of the saints. Chicago. 1981.
- Duby G.* Les trois ordres ou l'imaginaire de feodalisme. P., 1978.
- Lawrence C.H.* Medieval monasticism. Forms of religious life in Western Europe in the Middle Ages. L.-N.Y., 1985.
- Vauchez A.* La spirituahte du Moyen Age occidental, VIIIe—XIIe siecles. P., 1975.
- Ward B.* Miracles and the medieval mind. Philadelphia. 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>А. Л. Ястребицкая</i>)	7
ВВЕДЕНИЕ: «Новая историческая наука» и новый образ западноевропейского Средневековья (<i>А. Л. Ястребицкая</i>)	11
Приложение	20
РАЗДЕЛ I. У истоков западноевропейской средневековой цивилизации: Рим и германцы (<i>Л. П. Репина</i>).....	25
Последние века Римской империи	27
Варварский мир	44
Приложение	51
Падение Римской империи и образование варварских королевств в V—VI вв.	90
РАЗДЕЛ II. Слияние двух миров. Рождение западно-христианского мира (<i>Л. Я. Репина</i>).....	112
Франкское государство и империя Карла Великого.....	112
Приложение	132
Распад Каролингской империи. Эпоха новых вторжений.....	159
Приложение	178
РАЗДЕЛ III. Римская церковь и распространение христианства (<i>Л. П. Репина</i>).....	190
Приложение.....	207

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННОСТЕЙ И ИСТОРИКОВ**

Часть первая

**РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ. V- IX вв.**

Зав. редакцией В.И. Михалевская Техн. редактор Г.З. Кузнецова

ЛР № 060663 от 05.02.92

Подписано в печать 3.07.95. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Тираж 20 000 экз. Зак.483.

Фирма «Интерпракс»

103031, Москва, Звонарский пер.,4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АООТ "Ярославский полиграфкомбинат"
150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97